

ФИЛОСОФИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, ВЛАСТЬ

В статье рассматриваются проблемы кризиса образования в нашей стране, его социальные, политические, экономические и социокультурные основания, а так же обосновывается необходимость вернуть все высшее образование к статусу государственно-гражданских институтов.

В качестве одной из главных причин кризиса в образовании выступает бюрократизация всех околообразовательных властных структур в государстве негражданского общества. Выход из кризиса образовательного процесса требует усиления роли гражданского сообщества ученых и педагогов, и ограничения чиновничьего произвола в образовании, а именно «бюрократических» инноваций в образовании, отказа от всеобщей регламентации образовательного процесса чиновниками.

История нашего постперестроечного образования разворачивалась при обострении несовместимости гражданских образовательных инициатив с устремлениями дружного клана чиновников к восстановлению своей ничем не ограниченной свободы управления... Управления, естественно, не делом, а людьми. В этих условиях государственные чины никогда не отказывались и никогда не откажутся от того, что берегут пуще глаза, – от своего права управлять людьми, даже если ничего не смыслят в их деле. Они так и будут отчаянно бороться с гражданскими инициативами. Вся история России стоит за ним.

То, о чем пойдет речь дальше, легко превратилось бы именно в идеологические инвективы, в публицистические экзерсисы, без понимания той губительной (поистине исторической) роли, какую в образовании и сегодня играют образовательные и все прочие государственные инстанции. Их чиновники, как и все прежние, по предмету своей деятельности не имеют дела как с глубинными историческими, так – и тем более – с фундаментально-теоретическими проблемами, осмысление которых необходимо для адекватного понимания причин рокового кризиса мировых и разношерстных российских общностей и их культур.

А ведь все проблемы образования никогда не были и не могут быть ничем иным, кроме проявления проблем (внутренних противоречий) самого общественного уклада жизни людей. Поэтому, если чиновные руководители образованием и переживают вместе со всеми эти проблемы, то в предметную сферу их профессиональных забот они как таковые не входят. Предмет бурной деятельности служащих **государству** – отнюдь не решение истинных (общественных) проблем образования, а управление людьми, осуществляющими их постановления, указания и законы об образовании, какковые предопределяются политическими задачами и возможностями государственной казны.

Наш единый социальный, политический, экономический и социокультурный кризис проявляет

себя и в том, что в наши дни и годы, идеологические, популистски невежественные «обоснования» всех кабинетных реформ (сиречь: не только образования) стилистически и лексически маскируются под науку. Только не под действительную науку, а на онаученную профессиональной терминологией публицистику, оперирующую скороспелыми и поэтому сомнительными историческими параллелями и расплывчатыми образами типа Запад – Восток, евразизм, глобализм, панисламизм и т. п., вплоть до полумистических прорицаний. «Онтология» такой публицистики представлена, как правило, данными еще более сомнительных социологических срезов так называемого «общественного мнения». Каждая пара абстрактов, коими она оперирует, ухватывая лексическим своим смыслом лишь некий отдельный феномен общественной жизни, односторонне (абстрактно), а потому и неверно представляет единое основание всех проявлений общего кризиса образования и всей современной цивилизации.

Беда еще и в том, что целые научные (институционально и профессионально профильные) институты и отдельные ученые, включенные таблицей о рангах в чиновные структуры власти, в своих исследованиях и прогнозах нередко грешат тем же. И по тем же причинам. Та же картина в педагогических научных исследованиях и рекомендациях. Законодатели и исполнители власти публично опираются то на одни, то на другие теоретические оценки ситуации и прогнозы в зависимости от наглядной возможности использовать их для обоснования своих управленческих решений. Ведь к истинным (политическим) мотивам и целям каждого такого решения его «научное» обоснование отношения не имеет.

Субъективно они убеждены и в научности своих решений, и в их спасительной роли. Вполне понятна точка зрения большинства учителей и педагогов высшей школы на то, что давно назревшие радикальные изменения содержания, форм и методов образовательной деятельности достигаются,

прежде всего, бюрократической псевдоинициативой. Хотя на самом деле цель и суть бюрократического подхода остались прежними: оправдание своего надгражданского состояния – своего личного права на управление людьми. Чем и цементируется, чем и сохраняется как нечто целое государство негражданского общества, в докапиталистической истории бывшее необходимой социальной формой воспроизводства *экстенсивного хозяйства*.

Хотя и нам следовало бы понять более чем серьезные трудности страстотерпцев государственной воли: они, не ведая того, попали в исторический разлом хозяйственных и культурных эпох. Глобальное распространение *интенсивного типа* хозяйственной деятельности идет не просто: через пень-колоду взаимозависимости исторически разных общественных и социальных форм у столь же исторически разных способов воспроизводства... опять-таки весьма разных укладов жизни. А для победы *интенсивного типа хозяйства*, обеспечиваемого сегодня лишь радикально новыми открытиями фундаментальной теории и их производственным освоением, **требуется:**

– не только финансовая и товарная, но теперь уже (и прежде всего) информационная международная взаимозависимость продуктивной деятельности всех производителей и потребителей средств к жизни, и прежде всего духовных.

А этим предполагается:

– гражданская свобода в основе любой общественной формы воспроизводства духовной культуры; в том числе, если не в первую очередь, – во всех формах образовательной деятельности, способствующей формированию и развитию у всех ее участников креативных способностей; причем не только у единиц, но чуть ли не у масс, ибо таково непреложное требование культурно- и наукоемкого расширенного воспроизводства реальных условий жизни людей;

– отсутствие жесткой регламентации сверху форм, средств и способов труда всех его участников (в первую очередь – образовательного); а главное – наличие разнообразных форм местного *самоуправления*¹, все деятели которого **лично** заинтересованы в интенсивном совершенствовании производственных и образовательных практик, а непосредственно в них занятые *профессионально*

способны на творческие инновации, не ожидая приказа свыше, что предполагает и новую для нас, особую роль государства.

Следовательно, нам необходимо:

– государство гражданского общества, которое должно следить исключительно за неукоснительным соблюдением всеми «земцами», всеми инноваторами, проектантами и исполнителями (в том числе – и в образовательной сфере) общих принципов государственного и гражданского права, защищающих общество и его членов от произвола отдельных лиц, от их экспериментов над людьми. К таким экспериментам в первую голову следует отнести поспешные «инновации» в образовании. Их инициаторами снова могут стать (а сегодня становятся) чиновники в своих высоких кабинетах. Но и приближенные к ним, жаждущие их благосклонности и покровительства псевдоученые специалисты, потерпевшие не всегда осознанный ими профессиональный крах на научном и деловом поприще². Но ведь – и отчаянно смелые, озабоченные лишь собою «инноваторы». Вот тут-то и необходим Закон! Государственный закон о недопустимости образовательных переделов, не одобренных **гражданским сообществом** ученых-педагогов.

Эти требования времени по-разному пробивают себе дорогу к осуществлению. Но понимание их лишь на уровне публицистических восторгов, сетований, негодований и заклинаний вполне уживается с покорным следованием иным требованиям – требованиям негражданского государства, более привычным и таким, как многим кажется, естественным.

Есть один простой и неоспоримый критерий той реальной роли, которую играет сообщество ученых в жизни народа при господстве казенщины в негражданском государстве. Этот критерий – место ученого люда в структуре управляющего всем аппарата чиновников. Если же сообществу ученых это место там всемиловитейше учреждено, то ни о каком инициативном самоуправлении в сфере образования не может быть и речи!

Теперь – просто факты.

В бюджете **государства**, утверждаемом Думой на каждый следующий год, ученые и педагоги высшей школы (между прочим, по определению – тоже ученые) квалифицируются одной строчкой в одном

¹ Типа старого нашего земства, но без его расхлябанности, безответственности и т. п.

² Только в глубине подсознания такие деятели переживают своё восхождение по служебной лестнице российской табели о рангах как крах. Это не доходящее до сознания переживание они вместе с совестью удерживают в подсознании, как страх перед смертью. Но именно оно движет их усилиями продвинуть через власть в профессиональную среду свои публикации, программы, «разработки» и т. п.

ряду с чиновным человеком – **служащие**. Читай: при-
служивающие.

Далее: где еще, в каком еще государстве труд научных работников и педагогов высшей школы (средней – тоже) оплачивается согласно табелю о рангах чиновного состояния – в соответствии с присужденным ему разрядом, коих числом семнадцать? Те самые государства, кои принято считать демократическими, тоже тратят бюджетные деньги на образование (во много раз больше, чем наше, хотя тоже значительно меньше реально потребных). Но оплата труда педагога зависит там не от места в государственной сетке чинов, а, как правило, от его успехов на избранном им поприще и известности среди коллег-специалистов. Что определяется, между прочим, ректором и советом университета. По крайней мере, формально³.

Где еще, в каком государстве количество преподавателей в университете или колледже определяется по установленному государством коэффициенту от количества студентов, а сам факт оплаты его труда зависит от выполнения им утвержденной сверху педагогической «нагрузки»: столько-то часов лекций, столько-то – семинаров и т.д.?!

Причем самое забавное и одновременно самое грустное в том, что эти «часы», много десятилетий тому назад введенные для всех вузов правительственным приказом, действуют до сих пор (возможно, с коррективами, нами не ощущаемыми). И до сих пор они превращают профессоров, доцентов и ассистентов в урокодателей, перегруженных уроками и кровно заинтересованных прежде всего в выполнении часовой **нагрузки** (это так откровенно и называется!), но отнюдь не в новом для себя и мира видении теоретических проблем, без чего нет смысла (более того – вредно!) выходить в **студенческую** аудиторию. К тому же им свыше предписано осуществлять и многие другие обязанности, не включенные в эту утвержденную государством учебную нагрузку. А потому в большинстве случаев и неоплачиваемые. Хотя сегодня за соблюдением этой плановой нормы уже не следят (более того – не следят с прошлой строгостью и вообще за наличием публикаций), однако советский Его Величество План продолжает править бал при определении для кафедры общей учебной нагрузки и почти всех иных параметров ее «творческой» деятельности в течение года. Никуда не делось и требование многочисленных и никому не нужных бумажных сведений, собираемых разными

ми службами вузов для отчета перед министерством. На работу научных лабораторий в исследовательских институтах как целиком, так и в деталях распространяется то же «правовое поле» планового хозяйства негражданского государства. Так мы снова и снова стремимся подняться вверх по лестнице, ведущей вниз.

А главное – все привыкли. Привыкли считать как нечто само собой разумеющееся регламентацию чиновниками государственных учреждений каждого шага преподавателя вуза. И не только министерскими чиновниками. Закон об образовании, легко и почти сходу был принят Думой со всеми зияющими лакунами в разделах, определяющих смысл закона, с нормативными определениями того, какими в России должны быть школы и вузы, включая введение общих стандартов в содержание образования.

Первый пример. На одном из сайтов Интернета помещено интервью известного и уважаемого ученого. Он резко и справедливо критиковал все последние решения министерства образования. Но на вопрос о роли ВАКа в бюрократизации стиля, формы и сути научной работы ответил вдруг так: «Тут вы не правы. Решение о научной ценности диссертаций принимают не чиновники этого учреждения, а привлекаемые ими известнейшие ученые. Они не пропустят халтуры». Вот вам и пример наивной веры в продуктивность вживления истинных ученых в казенное устройство нашего высшего научного суда!

Ибо не ученые, привлекаемые чиновниками министерства (ВАКа) в качестве экспертов, а именно сами чиновники многие десятилетия добивались (и каждый раз, увы, успешно) полной и окончательной формализации текстов диссертаций, властно требуя точного их соответствия выдуманному ими формуляру. Дело дошло до того, что как автореферат, так и сам текст диссертации должен быть построен по одному шаблону, дотошно одинаковому для всех видов и самых разных содержаний научной работы. Поэтому даже самому ленивому не составит труда заполнить требуемые пункты (как в любимой чиновниками всех мастей **анкете**) наукообразным, как правило, стандартно организованным набором внешне взаимосвязанных предложений с указанием в скобках авторов им не прочитанных трудов. Без чего ни один ученый совет не примет диссертации к защите. Так как у него не примет ее ВАК! А членам экспертных советов

³ Правда, это тоже *в идеале*: изошрэнные формы чиновного контроля (а, следовательно, и власти) нередко сводят на нет видимость самоуправления и в так называемых демократических странах.

ВАКа – тем самым *истинным ученым*, не так-то просто разглядеть пустышку за однообразной гладкой формой аттестуемой работы, пестрящей бесконечными ссылками на признанные в мире авторитеты (чьи фамилии даны в скобках, а цитаты приведены из вторичных источников), к тому же обосновывающей «смелую» формулировку... на самом-то деле тривиальной мысли. А в формальное содержание заключения, к которому все давно привыкли, теперь обязательно надо вставить: «...**диссертация соответствует требованиям пункта 13 (8 и т. п.) Положения ВАКа о присуждении ученых степеней научным и научно-педагогическим работникам**». Диссертация должна соответствовать пункту! Это же просто пес plus ultra – гениальная находка чиновников, не имеющих никакого отношения к делу творческой мысли и окончательно осатаневших от безнаказанности за творимый им произвол!

Об этом свидетельствуют дискуссии, за многие десятилетия время от времени разгоравшиеся на страницах популярных газет. Возмущенные авторы ярких статей, критикуя формы и принципы научной аттестации, предлагали и предлагают самое разное: от отмены кандидатской степени до отмены ВАКа и предоставления права аттестации собраниям самих ученых. Но никто из них при этом не обращал внимания на то, что ВАК – это всего лишь мелкая часть всей системы мелочного надзора государства за образованием и наукой. И пока система чиновного произвола господствует над всей наукой и всем образованием, любые преобразования аттестации научных и педагогических работников завершатся ее формализацией и вновь откроют дорогу тем, кто ради обретения места в государственном же табеле о рангах устремлен «в науку» как в одну из престижных государственных управ.

Второй пример. Начиная с первых перестроенных статей вплоть до недавно опубликованных с публицистическим пафосом постоянно и очень настойчиво повторяется требование **отмены преподавания философии в вузах**. При этом кто-то требует от чиновников переноса философии в среднюю школу, кто-то не соглашается и на это. Третьи не менее агрессивны, но более откровенны: «...все эти так называемые гуманитарные предметы в вузах, отнимающие у студентов необходимое время для профессиональной подготовки – остаток идеологической накачки, кому-то наверху все еще выгодной».

Гонители философии, независимо от приводимых ими аргументов, в своих требованиях вмеша-

тельства государства в это «безобразии» (имею в виду досадное для них сохранение курса философии во всех вузах страны) говорят искренно, говорят то, что думают, в чем они абсолютно уверены... **не без основания**. Они лучше чиновников в министерстве знают реальное положение дел с преподаванием философии в своих вузах – там, где они работают с теми же студентами, что и преподаватели философии.

Аргументы их несерьезны, но это – от позитивистско-эмпиристской ориентации большинства натуралистов. Однако пафос абсолютной убежденности – от справедливого возмущения той профанацией учебного процесса, до которой пришлось опуститься многим и многим кафедрам не только философии, но и тасуемым от одного постановления министерства к другому всем кафедрам так называемого «гуманитарного профиля».

Разве ни о чем вам не говорит как всегда мгновенное, одним росчерком пера проведенное в жизнь решение о превращении кафедр истории КПСС в кафедры истории Отечества, кафедр научного коммунизма – в кафедры социологии и политологии, столь же решительное и столь же неподготовленное решение о создании кафедр (иди курсов) культурологии и всех прочих, числом чуть ли не до десятка? Вы только подумайте: историк партии должен был тут же и сходу, с завтрашнего дня начать читать свой полный курс российской истории! А научные коммунисты, в массе своей – те же историки партии и истматчики? Правда, многие из них в последнее десятилетие перед перестройкой, тем более с ее началом, и сами «увлекались» социологией, но для серьезной работы с социологическими теориями подготовлены не были, а тем самым – не были подготовлены и для преподавания этих теорий в высших учебных заведениях.

Все это более чем типично для вершителей государственной образовательной политики в России. Так и в недавнее советское время достаточно было престарелому и слабоумному члену Политбюро мимоходом заметить, что в наборе вузовских марксистско-ленинских дисциплин почему-то отсутствует такая их часть, самим Лениным определенная, как научный социализм (коммунизм), чтобы такая «наука» появилась в вузовских программах. На мгновенно собранных совещаниях в ЦК партии, в горкомах, в министерстве, в Академии наук была «обсуждена» и единогласно признана необходимость этого учебного предмета и программы такового, состоящая из пройденных студентами разделов истории партии, политэкономии социализма и истмата.

Точно так же без какой-либо подготовки специалистов для всех вузов страны волевым решением свыше вводились новые учебные предметы: научный атеизм, *марксистские* этика и эстетика. Так же решительно и бездумно в предметный набор среднего образования вдруг были введены в 1947 году (если я не ошибаюсь на год), а потом и отменены логика и психология... Учителей, естественно, не было.

Да и что за дело столь ответственным работникам управления образованием до того, кто и как преподает студентам введенный ими предмет! Сам же переквалифицировавшийся по их приказу горе-педагог, естественно, будет стремиться остепениться в этом предмете, чтобы его невежество и неумение навсегда было скрыто за званием доцента и профессора. Совет института поддержит своего, ВАК пропустит. И вот уже многие сотни полуграмотных доцентов и профессоров философии, этики, эстетики, культурологии, политологии, современных проблем науки и т. п. пишут статьи, книги (сейчас это просто), выступают на конференциях, в том числе и международных, консультируют диссертации и... образуют послушный научный актив при образовательных государственных управлениях всех ступеней и рангов. **Так и образуется союз власти и ее ученых**⁴.

Так могут ли пройти мимо этой, простите меня, пошлейшей профанации высшего образования преподаватели, лично увлеченные проблемами своей науки и лично заинтересованные в ее изучении молодыми! Стараниями чиновников тут уже подоспел и **третий пример**. Пример самый свежий, и он именно о том, чему и как учить аспирантов.

Итак, окончательно принято решение того же ВАКа (министерства) об отмене аспирантского курса и экзамена кандидатского минимума *по философии*. Вместо него вводится курс и экзамен по истории и философии науки. Да и то слово «философия» сохранилось благодаря титаническим усилиям философов, близких к власти. Те-

перь и безвозвратно на долгие годы утверждено то, что аспиранты, и без того *по идее* изучавшие в студенческие годы историю и проблемы своей науки в курсе каждого из ее ответвлений и подразделов, будут отдельно от ее тревожащей проблемности готовить для кандидатского экзамена даты и имена, факты и законы⁵. А философы, вопреки философской совести своей, не позволяющей видеть в науке (в частности – в естествознании) главную суть и совесть культуры, вынуждены будут толковать эмпиристскую логику натурализма как высшее философское достижение, добытое из тех же недр себе довлеющего рационального дискурса! И это непременно будет.

Более того, на некоторых кафедрах философии, не первый год *бегущих впереди административного прогресса*, не только поспешно разработана программа этого курса для аспирантов – он уже и читался в 2001/2002 учебном году. Но не поспешили ли они? Идея научной obsługi начальства в другом, но в столь же бессмысленном повороте дела: историю и проблемы наук, профильных для вуза, будут читать местные их корифеи, а философские проблемы *науки вообще* – философы. В чем безграмотность этого решения? Теоретические и методологические проблемы современной науки, как и их история, могут быть содержательно представлены как студентам, так и аспирантам исключительно *развернутым содержанием друга друга порождающих проблем каждой отдельной науки*⁶. Так и только так!

Министерская идея данного курса возвращает кафедру философии, как и все *профильные* кафедры, к приснопамятным диамаговским экзерсисам *поверхностного и непрофессионального* обсуждения отдельных проблем, возникших в разное время в разных и друг от друга обособленных **естественных науках**. Ведь чиновники, как и прислуживающие им старатели Science of Science, придерживаются исключительно двух принципов: первый – *эмпирический*, второй – *педагогический*.

⁴ В деле образования этот союз имеет долгую историю – более чем полувековую историю Академии педагогических наук РСФСР и СССР (теперь – Российская академия образования). Труды её сотрудников были *научно-педагогически* «разработаны» и post factum «обоснованы» многие поспешные решения родного министерства. В том числе и самые последние – 12-летка, единый экзамен и т. п. Однако парадокс напряжённого противостояния в сосуществовании ревнителей бюрократической стандартизации формального образования с личным, уникальным, то есть *истинно культурным* творчеством (в данном случае: творчеством психологов и педагогов) так же сущностно присущ истории этой академии, как и вообще истории культуры. Недаром самые продуктивные психолого-педагогические и дидактические идеи, известные и почитаемые в мире, родились в недрах той же академии. Их исповедуют и стараются воплотить в жизнь многие школьные коллективы и у нас. Да вот только в унифицированные формы и стандартное содержание идеи эти никак не вписываются!

⁵ Если не было ни истории, ни проблем, то опять-таки благодаря **формальному** образованию, с его утверждённым надвузовским начальством списком обязательных предметов. Изложение наличных знаний, умений и навыков, вне проблемности и пафоса исторического пути их создания, обходится без истории, но не без «логики»: логика натуралистического писания результатов, логика «критического» эмпиризма при этом воспроизводится поневоле.

⁶ Иными словами: в её полном учебном курсе с обращением к серьёзной научной литературе по каждому разделу.

Эмпирический: наука – это знание «вечных», потому и непререкаемых объективных законов природы; все же субъективные описания инвариантов в жизни человека, его общностей, его истории и его так называемых *гуманитарных* творений – не наука.

Педагогический: **формальное образование** может строиться исключительно как обучение принятому (пока!) за окончательную истину **знанию** и **умениям** и **навыкам**, полностью отработанным на его же формальной основе (в готовых формулах выраженной).

В итоге мы получим привычное: преподаватели философии, не будучи специалистами в какой-либо из областей естествознания, тем более – его теоретиками, будут вынуждены читать *свои* курсы при неукоснительном их соответствии логике объектной **науки**, не выходя за ее пределы. Следовательно, читать их студентами и аспирантам не только **вне**, но и **против** истинно *философского* осмысления рефлексивной **логики** развивающего себя понятия – логики **теории** как таковой.

Выводы: Как и все остальные, так и данное волевое решение министерства образования – лишь фрагмент общего позитивистского наступления чиновников от образования не только на философию – высшую форму духовно-теоретической рефлексии на **всеобщие** (а не только научные) формы живой культуры человечества. Наступление ведется за сохранение и упрочение властной иерархии чиновного класса, именующего себя государством. За упрочение власти над *людьми*, занятыми делом. Но получается, что и над самим их *делом*. В частности – над философией.

Тем более это верно, что именно философия для властных распределителей времени и содержания высшего образования как кость в горле. Они не понимают и не принимают ее иначе, как *идеологию*, их интересы выражающую и защищающую. Поневоле убеждаешься чуть ли не в вечном противостоянии философии и власти и, как следствие, – в правоте мудрейшего Плутарха, утверждавшего, что все философы делятся на две группы – на апологетов и критиков; но как только философ становится апологетом, он перестает быть философом, критиков же изгоняют.

Так и наши власти всех рангов и сегодня не понимают ее, как не понимали и во время своего безраздельного господства над высшим образова-

нием. Потому и утверждали тогда для кафедр философии разные варианты **апологетики**, искренне считая истинно философские тексты **критикой** – либо ревизией *марксизма-ленинизма*, либо буржуазной заумью, делая на этом основании погромные оргвыводы по отношению к ослушникам. И они, как мы.

Доказательство тому – самые свежие примеры ретивости работников министерств, навязывающих всем кафедрам опять-таки на скорую руку кем-то особо ретивым подготовленные учебники, ими, не долго думая, утвержденные в качестве стандартных и обязательных, написанные как раз теми, кого они давно уже зачислили *в актив министерства*. О таких апологетах, вначале поневоле, а затем и по склонности зачисленных лишь с властной руки министерства в разряд философов, нет необходимости продолжать разговор. Но с тем большей настойчивостью следует говорить о том, что именно нам – преподавателям философии, всем вместе и согласно, надо сделать все, чтобы вернуть *все высшее образование* – философское в первую голову к статусу **государственно-гражданских** институтов. Во многих случаях – и просто гражданских, рождаемых гражданскими объединениями и движениями. Но и те, и иные должны будут потребовать от государства только двух проявлений его заинтересованного участия в *нашем* деле, в *нашем* же *управлении* им:

1) строгого соблюдения как самими чиновниками, так и всеми участниками образовательного процесса нового, только самому *нашему делу* потребного **закона об образовании**, мелочного не регламентирующего в интересах чиновного командования людьми ни содержания, ни методов, ни форм как среднего, так и высшего образования;

2) **материального** (полного или на паях с частными источниками) **обеспечения** российских образовательных институтов и гражданских образовательных инициатив, безоговорочно одобренных и принятых **образовательным сообществом**, по своему гражданскому статусу ни в чем не зависящим от интересов и прихотей чиновников. Ибо только в таком качестве эти институты и движения необходимы для **интенсивного** развития культуры народа (а тем самым и для всех форм жизни всего нашего общества);

3) поэтому остро необходимы и **государству гражданского общества**⁷.

⁷ Если только мы своими инициативами сможем поспешествовать превращению нашего государства в государство гражданского общества.

* * *

Вполне осознавая то, что эта *программа-минимум* – абсолютно утопическая при столь привычной для России нынешней тенденции к почти полному огосударствлению ведущих **форм** общественной жизни – обусловлена тем, что не только в деле образования, но и во всех хозяйственных делах, в политике и культуре в настоящее время правит бал именно *государственный интерес* – интерес и своекорыстные потребности тех, кто прямо или косвенно имеет отношение к дробящейся госсобственности во всех современных вариантах ее сращивания с частной. Ясно, почему философы-идеологи (**апологеты**)

всех разновидностей – от «госслужащих» до стихийно увлеченных в перестроечное время идолами стихийного *рынка* и политического *театра* – постараются увидеть в этой статье нечто, либо ими напрочь отринутое (например, марксистское), либо публицистическую критику «нашей молодой демократии».

Но все же нельзя не отстаивать интересы и надежды тех, кто сам лично, остро переживает, стараясь теоретически осмыслить, всю нелепость и крайнюю опасность старого и, увы, нынешнего статуса культуры, а тем самым – и философии как пока еще учебного предмета в российской высшей школе. К ним и только к ним обращена эта статья об образовании и власти.